

Ужасающая энергия бесшумно взорвалась и рассеялась. Стоявший в двух шагах Парящий Дворец не мог не ощутить на себе её последствия.

Юй Уцюэ как раз нёс в покои ночной перекус и препирался с Кунчжи, как вдруг в ушах непрерывно зазвенело. Невидимая волна воздуха, нёсшая в себе мощь, способную снести Парящий Дворец, ударила снизу вверх, словно кто-то отвесил пощёчину прямо по макушке. У Юй Уцюэ подкосились ноги, и он рухнул носом в землю.

Придя в себя, он поднялся и потёр уши. Звон постепенно затих, но сколько бы он ни всматривался вдаль туда, откуда пришла волна, ничего необычного заметить не удалось.

— Кунчжи, что такое? Похоже, грохотало со стороны Горы Чицзинь?

Марионетка хранила безмолвие. Чуть согнувшись в поясницу, она застыла в той самой позе, в какой тянулась забрать ларец, когда нахлынула волна воздуха. На лице застыло удивление, а вместе с ним — не успевшее сорваться с губ слово «Юй», сформированное ртом.

— Кунчжи?

Юй Уцюэ помахал рукой перед её лицом, а затем легонько толкнул. Марионетка потеряла равновесие и чуть не завалилась назад, но он поспешно вернул её в вертикальное положение, чувствуя, как внутри всё холодеет от ужаса.

Кунчжи не шевелилась, не издавала ни звука и никак не реагировала — она была оцепенелой, словно кусок камня. И не только она: и меч-марионетка у дверей главного зала, и дозорные стражи-марионетки в коридорах, и часовая марионетка у солнечных часов, отвечавшая за отсчет времени, — все они в одно мгновение замерли.

Во всём огромном Парящем Дворце в мгновение ока остановились абсолютно все марионетки. Здесь и раньше не хватало жизни, а теперь воцарилась пугающая до мурашек мёртвая тишина.

Юй Уцюэ ещё раз проверил состояние всех попадавшихся на глаза марионеток: их приводные механизмы вышли из строя.

Он растерянно замер перед дверями зала.

Неужели всё дело в том гудении?

Гул доносился с Горы Чицзинь. Что же там произошло, раз марионетки полностью лишились энергии?

Движение марионеток поддерживалось силой одного человека, почему же Хэ Бугуй никак не

отреагировал?

— Шансянь Тайвэй! Шансянь Тайвэй! У ученика срочное донесение!

Юй Уцюэ бросился к дверям главного зала, колотя в них и вовсю горланя.

Внутри горел свет, но ему никто не ответил.

— Шансянь Тайвэй!

Вспомнив, как в прошлый раз Хэ Бугуй потерял сознание прямо здесь и об этом никто не знал, Юй Уцюэ, не раздумывая, с размаху вышиб ногой створки дверей и ворвался внутрь.

Зал был пуст. Вольный ветер ворвался под крышу, сорвав со стола несколько страниц черновиков. Оглядевшись по сторонам и никого не найдя, Юй Уцюэ поднял валявшиеся на полу бумаги.

— Это же...

От прочитанного у него волосы встали дыбом. Сделав в два счёта три шага, он выскочил из зала, сдёрнул с пояса меча-марионетки его личный клинок и, вскочив на меч, стремглав полетел к Горе Чицзинь.

Чем ближе он подбирался к горному проходу, тем отчётливее ощущались остаточные всплески энергии. Учёный на горьком опыте набрался ума: Юй Уцюэ обвязал себя самой толстой лианой и только после этого осмелился спуститься вниз.

По сравнению с тем моментом, когда он попал сюда впервые, лава бурлила гораздо медленнее. И хотя вокруг по-прежнему стояла невыносимая жара, пространство заполняла странная, жуткая тишина, и даже уровень раскалённой массы, казалось, заметно упал.

Юй Уцюэ завис в самой высшей точке, прищурившись и осматривая обстановку внизу.

В лаве покачивалась узкая ладья, на которой покоилась огромная хищная птица. Её расправленные крылья смыкались кольцом, словно защищая что-то.

Юй Уцюэ полетел прямо туда.

О том, что только что пережило сердце горы, можно было лишь приблизительно догадываться по черновикам. Он просто не верил, что кто-то в мире способен в одиночку сотворить подобное, но, оказавшись внутри, хочешь не хочешь, а поверишь. Подавляющая аура от столкновения

духовных сил всё ещё не рассеялась: будучи практиком стадии Золотого Ядра, он с трудом справлялся с управлением мечом, а приземлившись, и вовсе лишился послушания рук и ног и кубарем скатился на ту самую ладью.

Эта ладья оказалась вовсе не лодкой, а крыльями гигантской птицы, чьё тело уже погрузилось в лаву, в то время как крылья служили плотом, удерживавшим на весу покоившуюся на спине Яньцзя.

Перья на крыльях уцелевшей исполинской птицы были острыми как лезвия. Юй Уцюэ попытался раздвинуть их голыми руками и с трудом отыскал лишь узкую щель, сквозь которую проглядывало то, что они защищали.

— Шансянь Тайвэй!

Встревоженный Юй Уцюэ громко позвал его, но Хэ Бугуй не шелохнулся. Он лежал навзничь на спине Лушу, словно погруженный в сон, а в уголках его рта алел отчетливый след крови. Лушу, вцепившись зубами в рукав Хэ Бугуя, неподвижно распростёрлась на земле.

Юй Уцюэ понял, что эти Яньцзя тоже лишились энергии, просто в самый последний момент они из последних сил защищали Хэ Бугуя — иначе они не приняли бы такую форму.

Ему некогда было раздумывать о причинах, в мыслях было лишь одно: как можно скорее вытащить Хэ Бугуя отсюда и унести прочь.

Крылья Яньцзя были сделаны из особой руды и отличались невероятной прочностью. Они намертво сошлись под определённым углом, и их невозможно было разрубить мечом. Юй Уцюэ оставалось лишь собрать всю свою духовную силу в ладонях и применить чистую грубую силу, чтобы раздвинуть крылья.

Едва образовался просвет, достаточный для того, чтобы протиснуться человеку, Юй Уцюэ торопливо залез внутрь. Сначала он нащупал у Хэ Бугуя дыхание: оно было слабым, но старик всё же был жив, и это принесло ему некоторое облегчение.

Решившись попробовать хоть что-то, он коснулся точки между бровей Хэ Бугуя, намереваясь передать свою духовную силу и привести его в чувство. Однако все его старания оказались тщетными. Ещё более странным было то, что сколько бы духовной силы он ни вливал, она никак не задерживалась в теле пострадавшего. Хэ Бугуй был словно дырявый сосуд: сколько ни плесни из ковша, останется лишь капля, а сам он продолжал лежать без чувств, погруженный в глубокое беспамятство.

— Дома поговорим обо всём, прошу прощения!

Остаться здесь дольше было нельзя. Юй Уцюэ подхватил мужчину на руки и протиснулся

сквозь перья наружу.

Он примотал Хэ Бугуя к себе за талию лианой, уселся, скрестив ноги, и поудобнее уложил бесчувственного спутника. Возиться с Яньцзя было уже некогда — спасать людей надо! Дыхание Хэ Бугуя становилось всё более поверхностным, и Юй Уцюэ, терзаемый жуткой тревогой, изо всех сил направил меч вперед, взмывая ввысь с бешеной скоростью беглеца, спасающего свою жизнь.

<http://bllate.org/book/21954/2281022>